

Милорд помнит об Эдит Пиаф

Рос. Вестн. - 1996 - 14 июля - с. 3
Он стал монументом французской песни еще при жизни - Жорж Мустаки. Последний из могикиан. Кто еще остался из «старой гвардии», кроме него: Азнавур, Беко?.. И все - тишина.

Впрочем, вне пределов Франции больше известны его песни, нежели он сам. Ведь Жорж Мустаки - автор более чем 300 композиций, которые исполняли Ив Монтан и Барбара, Мулуджи и Серж Реджани... Но прежде всего Мустаки - это, конечно, «шансон» Эдит Пиаф: «Эй, идите сюда, Милорд! Вы никогда меня не видели. Я - портовая девчонка, уличная тень... Вы плачете, Милорд? Когда бы в это не поверила...» И мелодия - пронзительно-грустная и отчаянно-бесшабашная! Господи, да разве возможно передать в двух словах песню, которую пела сама Эдит?!

- Время было послевоенное, в Париже царила мода на все британское: имена, манеру одеваться, названия ресторанов, - вспоминает Жорж Мустаки. - Эдит попросила меня написать песню о Лондоне. Не знаю почему, но я вспомнил о кабаре «Милорд Арсуй», в котором когда-то частенько бывал. Из слова появился образ, и родилась песня. Она пришла удивительно легко: слова и музыка разом! «Милорд» принес мне славу. После его оглушительного успеха я стал так богат, что ровно пять лет ничего не делал. Откровенно и цинично сибаритствовал - путешествовал, валялся на диване, шатался по ресторанам... Я вообще из породы везунчиков. Никогда в жизни ничем серьезно не занимался.

- И когда же вам больше всего повезло?

- Конечно, когда познакомился с Эдит. Другие музыканты, поэты, композиторы искали встречи с Пиаф, а меня привел к ней один

из моих друзей. Совершенно случайно. «Знакомьтесь! Эдит... Жорж...» Мы полюбили друг друга и прожили вместе, не расставаясь, несколько прекрасных лет. Она была прекрасна, Эдит...

- Мы, мужчины, сами порой создаем себе красоту наших женщин.

- Наверное, наша любовь была горячей и недолговечной. Мы расстались так же легко, как сошлись. Не жалею ни о чем... И вообще в моей жизни много нелицеприятных. Грек по происхождению, я родился в Египте. Но мой поэтический язык - французский, ни на каком другом языке писать не могу. Окончив в Александрии французский лицей, я в 17 лет приехал в Париж, чтобы стать артистом. Смотрите, в моем виде на жительство во Франции так до сих пор и написано: «лирический артист». Эту формулировку придумала Эдит. Когда парижская префектура полиции потребовала от меня справку о месте рабо-

ты, Пиаф выдала документ о том, что я состою у нее в оркестре как «лирический артист»...

Надо ждать века, чтобы появился новый Воробышек (так переводится с французского псевдоним Пиаф. - К.П.). Голос парижских улиц, вдруг обретший поэтический язык. Эдит была актрисой с искрой Божьей. В ее маленьком теле заключалась страшная сила, удивительная энергия. В любви, дружбе и работе она была исключительно авторитарной. Если захотела - добьется! Она не боялась быть некрасивой. Не скрывала ревматических суставов на пальцах... Сегодня певицы подтягивают лица: им достаточно сжать ягодицы, чтобы подняться ресницы.

Мы оставались большими друзьями и в последние годы ее жизни, - вспоминает Мустаки. - Но начала сказываться болезнь: Эдит пила. Постоянно и тайком: виски, бренди, кальвадос. Чтобы другие этого не замечали, сосала мятные пастилки. Пиаф жила настолько напряженно, соголенными нервами, что нуждалась в допинге. Маленькой, хрупкой, ей достаточно было несколько глотков «крепкого», чтобы забыться... Я не случайно назвал одну из своих лучших песен «Мадам Ностальгия». Чем белее становятся волосы, тем больше страдаю от ностальгии. Грущу по эпохе, когда Ив Монтан был только певцом.

- Это-то и странно! Вы тоскуете по пятидесятым годам, а

сами как певец принадлежите к поколению семидесятых.

- Как певец - да. Мои диски были выпущены после «горячего мая» 1968 года: «Метек», «Мое одиночество», «Жозеф»... Но ведь прежде всего я - автор 300 песен, многие из которых были написаны давным-давно, более сорока лет назад. Я и начал-то их исполнять сам потому, что с ними выступали слишком профессиональные певцы. Они пели хорошо, но чересчур громко, понимаете? А песня - вещь нежная и задушевная. В авторском исполнении она может быть лучше услышана и понята.

- Согласен. Трудно представить, чтобы кто-то другой исполнял песни Булата Окуджавы или Владимира Высоцкого лучше их авторов.

- Да-да! Высоцкий и Окуджава - вот моя семья. И еще - Чико Дурате, Леонард Коан, Джоан Баэз... Нас, поэтов тишины, становится все меньше в этом мире рок-парадов на стадионах. Когда-то у Клода Франсуа было 26 музыкантов. Нам это казалось апокалипсисом! Принц выступает сегодня как минимум с 50 музыкантами и хористами!..

- Как рождаются ваши песни?

- Со слов, в них для меня таится музыка. У Азнавура, скажем, наоборот: он пишет мелодию и из нее выводит слово. Но и без музыки стихи у меня не получаются, их надо петь. Пишу обыч-

но ночью, когда тихо. Так же работал и Высоцкий.

- Вы знали его?

- С Высоцким был очень близок мой друг Максим Лефорестье, поэт, певец и переводчик его песен на французский. Максим очень любил Высоцкого и много рассказывал мне о нем. Иногда мне даже кажется, что мы были с ним знакомы... Вообще-то я человек по натуре: ни к чему и ни к кому не привязываюсь, семьи не имею, живу в своем внутреннем мире - со мной трудно дружить. Много путешествую, пожалуй, единственные страны, где я не выступал с концертами, - это Китай и Россия.

- Почему такая «нелюбовь» к нашей стране?

- В семидесятые годы я не смог поехать в Москву из-за гонорара. А потом у вас как-то забыли обо мне... Мое знакомство с русскими началось с рабочего-белоземлянина, который прекрасно отремонтировал мою парижскую квартиру. Моя подруга приехала тогда ко мне, и заявила: «Мне так у тебя нравится, что я отсюда никуда не уеду». Не жентиться же мне оставалось?! Я бежал куда глаза глядят и нашел спасение в моей нынешней «голубятне» на острове Сен-Луи (центр Парижа, один из наиболее престижных и дорогих кварталов. - К.П.). С тех пор редко и нехотя выезжаю на «континент»...

Мир продолжает сходить с ума. Те, кто слишком много работает,

кричат: «Стресс!» Те же, кто слишком мало, сетуют: «Кризис!» В коммунизм или в фашизм люди бросаются, когда у них нет других перспектив... Остается лишь взирать на это массовое сумасшествие по-философски и довольствоваться малым. Раньше ездил по Парижу на велосипеде, но его у меня украли. Теперь в любую погоду гарцую на мотоцикле. В последнее время увлекаюсь живописью, начать писать картины мне

когда-то советовали Пабло Пикассо и Жан Кокто. С годами понял, что надо уметь не только трудиться, но и наслаждаться. Жизнь в конце концов - прекрасная штука, если вы, конечно, не водите машину и не смотрите телевизор.

Интервью взял Кирилл ПРИВАЛОВ, соб. корр. «РВ».

Париж.

